

СОДЕРЖАНИЕ

I. Россия: Взгляд из Германии	4
Краткая предыстория.....	4
Россия Райнера Мария Рильке.....	9
«Восточная экспансия» времен нацизма	18
Импульсы русской литературы (XIX–XXI вв.):	
Краткий очерк	25
II. «Русский сектор» в литературе	31
«Внутренний запад» и «внутренний восток».	
Объединение Германии.....	31
«Серая зона» (Дурс Грюнбайн, Пер Лео)	36
Территория страха. Плутовской роман (Михаэль	
Кельмайер).....	42
«Или / или»? Постсоветские немецкие писатели	
(Владимир Каминер, Лена Горелик, Алина Бронски).....	51
«Русский – тот, кто любит березы»? (Ольга Грязнова).....	60
III. В Россию: Зачем?	68
Путешествие в Россию	68
В поисках утраченной культуры (Ильма Ракуза)	71
По следам истории (Вольфганг Бюшер).....	77
Граница с Россией как «порог»: (Вольфганг Бюшер,	
Ильма Ракуза, Томас фон Штайнеккер).....	81
В поисках выхода: Россия как пространство преображения	
(Томас фон Штайнеккер, Свенья Ляйбер).....	88
Список литературы	93
Указатель имен и заглавий	99

I. РОССИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ ГЕРМАНИИ

Краткая предыстория

Научный сотрудник Немецкого литературного архива в Марбахе Томас Шмидт (Schmidt, 2017, S. 13–14) называет первооткрывателем России для европейцев венского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна, чей многократно переиздававшийся и переведенный на разные языки труд «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о Московии», 1549) положил начало изучению России в Европе. И хотя нарисованная Герберштейном картина «государства московитов», их общества и культуры скорее негативна, в этом труде «отдается должное» своеобразию местной религии, «сохранившей некоторые исконные черты Христианства» (Schmidt, 2017, S. 13).

Следующим важным этапом «освоения Руси» ему представляется сочинение Адама Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию» (1647), за которым вскоре последовало почти вдвое расширенное издание «Новое расширенное описание путешествия в Московию и Персию» (1656), невероятно успешное и на многие десятилетия ставшее основным источником формирования европейских представлений о России: и Гриммельсгаузен в «Похождениях Симплициссимуса», и Шиллер в «Димитрий» опирались на приведенные там сведения (там же).

Вплоть до XVIII в. восприятие восточного соседа определялось в Европе «смесью любопытства, жажды познания, с одной стороны, и страха перед плохо предсказуемым могущественным соседом – с другой» (Lehmann, 2015, S. 7) – страха, замешанного в том числе и на образе жестоких и вероломных *варваров*–

московитов, описанных Адамом Олеарием, несмотря на заявленное им в начале книги желание «узнать и что-нибудь хорошее о варварах и недобрых людях»¹, – образе, лишь отчасти смягченном поэтическими вкраплениями стихотворений Пауля Флеминга.

Этот молодой человек, сопровождавший Адама Олеария в путешествиях на восток, стал первым немецким поэтом, увидевшим таинственную восточную страну собственными глазами и выразившим опыт столкновения с «чужим» почти в 50 стихотворениях (первый значимый немецкоязычный опыт поэтического освоения Руси). Некоторые из стихов были включены Олеарием в его книгу, несмотря на то, что в отличие от самого автора Пауль Флеминг оформил свой поэтический опыт освоения «чужого» в соответствии с доктриной учителя – Мартина Опица, – считавшего, что лирике не позволительно изображать плохое: гораздо более подобают ей «искусная речь и вразумление»². Таким образом, подчеркивает Т. Шмидт, в немецкоязычной поэзии – уже в лирике барокко, – «русский человек» изначально представлен мирным, естественным и непорочным – в том числе и для того, чтобы явить Европе, опустошаемой Тридцатилетней войной, картину лучшего мира (Schmidt, 2017, S. 14).

Издание в 1696 г. первого в Европе (написанного на латыни) учебника русского языка, «Русской грамматики» Генриха Вильгельма Лудольфа, существенно способствовало культурному и политическому сближению России и Европы на протяжении XVIII в. от Петра I до Екатерины II. Велика была в этом и роль Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716), универсального гения – философа, логика, математика, физика, юриста, историка, филолога и дипломата, – тогда уже убежденного в огромной важности России как посредника между Европой и Азией.

Опираясь на докторскую диссертацию профессора всеобщей истории Московского университета Владимира Герье «Лейбниц и его век» (1868) В. Куренной приводит многочисленные факты, свидетельствующие о стойком интересе этого немецкого ученого к России начиная с середины 1690-х годов (Куренной, 2004). Узнав о том, что Петр I собирается провести масштабные реформы государственного устройства, Лейбниц стал настойчиво

¹ Olearius A. Vermehrte neue Beschreibung der moscowitischen und persischen Reyse / Hrsg. von Lohmeier D. – Tübingen, 1971. – S. 2.

² Opitz M. Buch von der deutschen Poeterei. – Halle, 1955. – S. 22.

предпринимать шаги для расширения собственных познаний в области языка и этнографии России и установления контактов с российским императором. Через разных лиц он предложил Петру I несколько проектов по введению научных институтов и организации системы образования в России, старался добиться личного с ним контакта. Как пишет В. Куренной, подобная «настойчивость в получении доступа к “телу”» российского царя объясняется тем, что «Лейбниц, как и множество других новоевропейских мыслителей Просвещения считал, если воспользоваться формулировкой Герье, что “прогресс человеческого общества более всего зависел от личной инициативы государей”» (Герье, 1871, с. 25). Первая встреча с Петром состоялась в Торгау в 1711 г., и вскоре Лейбниц был принят на русскую службу в должности тайного юстиц-советника с окладом в 1000 талеров с целью – пользуясь словами из петровского указа, – употребить его «к имеющемуся нашему намерению, чтобы науки и искусства в нашем государстве вящий цвет приобрели» (Герье, 1871, с. 160).

Последняя серия личных встреч Г.В. Лейбница с Петром состоялась в Пирмонте в 1716 г., незадолго до смерти ученого. Результатом ее стал целый ряд записок по организации научной, образовательной и административной систем России, представляющих собой итог 20-летних размышлений ученого о России и необходимой системе отношений ее с Европой. Однако важнее всего для Г.В. Лейбница была именно возможность содействовать привнесению в систему устройства государства (не так важно – какого) наук и искусств, которые, как он считал, в наибольшей степени способствуют просвещению цивилизаций и народов (Куренной, 2004). Так, в одном из посланий Петру он писал: «Хотя мне и часто приходилось действовать на политическом и юридическом поприщах, а знатные государи иногда в этих вопросах пользуются моими советами, я все-таки предпочитаю науки и художества, так как они постоянно содействуют к славе Господней и к благосостоянию всего рода человеческого, ибо в науках и в познании природы и художеств более всего обнаруживаются чудеса Господни, Его могущество, мудрость и милость; науки и художества составляют настоящее сокровище человеческого рода, ибо посредством их искусство превозмогает природу, и цивилизованные народы отличаются от варварских» (цит. по: Куренной, 2004). Несколько далее Лейбниц указывает, что главным препятствием для реализации этих его устремлений было то, что он не находил прежде «могущественного

государя, который достаточно интересовался бы этим» и выражает надежду, что «нашел такового» в Петре I (Герье, 1871, с. 134).

Данный сюжет как нельзя лучше свидетельствует о том, что в эпоху Просвещения картина России в немецком восприятии становится все более четкой и нюансированной. В ней появляется также большая глубина, включающая измерение культуры. И тут велика заслуга немецкого писателя и литературного критика Иоганна Кристофа Готшеда (1700–1766), который, публикуя в своих журналах рецензии и статьи, «прорубил окно в русскую культуру» (Schmidt, 2017, S. 14) и стал первым пропагандистом русской литературы в немецкоязычном культурном пространстве. В связи с этим Т. Шмидт отмечает также роль немецкого писателя периода «бури и натиска» Якоба Михаэля Рейнолда Ленца (1751–1792), трагически погибшего в Москве, который на протяжении всех 12 лет, проведенных им в России, постоянно предпринимал попытки сделать русскую литературу доступной немецкому читателю.

Историк Германии и России Август Людвиг Шлёцер (1735–1810), автор «норманской теории» происхождения русской государственности, прожил в России семь лет, в течение которых занимался историческими исследованиями в Императорской академии наук и даже выступал с предложениями проектов по распространению образования в русском обществе. Вернувшись в Германию, он активно делился своими огромными познаниями в российской истории с кафедры Гёттингенского университета, а за издание в Германии четырехтомного труда «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» (1802–1809) от лица Российской короны был пожалован дворянским титулом.

Однако первым кому удалось существенно просветлить европейский взгляд на восток, по Т. Шмидту, стал писатель, теолог и историк культуры Иоганн Готтфрид Гердер (1744–1803) – пусть даже в его «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791), выражающих панславянские воззрения, русским не предназначена еще особая роль. Гердер характеризует славян как миролюбивый, молодой, физически одаренный и близкий к природе народ. По этой причине славянам, считает он, предназначено стать носителями культуры будущего, в которой и развернутся, наконец, идеалы высшей гуманности. Благодаря воздействию тезисов об обновлении европейской культуры через славянские влияния образ России стал постепенно изменяться, и на протяжении XIX в. с этой восточной империей, «которая из-за своих невероятных раз-

меров и неизъяснимой загадочности исключительно хорошо подходила для порождения проекций, все яснее связывались особые ожидания в будущем» (Schmidt, 2017, S. 14).

С ухудшением политических отношений между Германией и царской Россией во второй половине XIX в. – начиная с 1880-х годов, – Россия нередко представляется противоположностью индустриализированному декадентскому Западу, истощившему цивилизаторские ресурсы. Разочарованным в путях развития «западной цивилизации» эта «восточная империя» видится теперь «пространством надежды», куда зовет тоска, – и в этом она подобна «южному острову» (распространенной литературной утопии начала XX в.), античной Греции и Италии (в Средние века, как и во времена Гёте) или Индии (в эпоху романтизма). Русские, как теперь полагают, непосредственно связаны с богом, природой и могли бы привести нечто важное в культурное, духовное и религиозное обновление Европы.

Прочитав Достоевского, Ф. Ницше говорит о России как о «единственной державе, которая нынче является прочной, которая может ждать, которая еще может нечто обещать». Россия для него – *противопонятие* «жалкому европейскому партикуляризму и нервозности... У всего Запада нет более тех инстинктов... из которых вырастает будущее»¹. И даже после Октябрьской революции 1917 г. Стефан Цвейг признается в симпатиях «к детскому и трогательному, умному и естественному в этих людях»².

Наиболее яркими и последовательными выразителями описанных (идеализирующих) представлений о России в немецкой культуре конца XIX – начала XX в. есть основания считать немецкую писательницу с русскими корнями (с материнской стороны) Лу Андреас-Саломе (1861–1937) и ее близкого друга крупного австрийского поэта первой трети XX в. Райнера Марию Рильке (1875–1926). Об этой поэтической «русской утопии» длиною в жизнь – следующий раздел.

¹ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Пер. с нем. Н. Полилова // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 615–616.

² Цвейг С. Вчерашний мир: Воспоминания европейца / Пер. с нем. Г. Кагана. – М.: Колибри, 2015. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=1fxKCgAAQVAJ&pg=PT229&lpg=PT229&dq>

Россия Райнера Мария Рильке

Тема «Рильке и Россия» как «ярчайший эпизод из насыщенной событиями многовековой истории русско-германских “взаимоотражений”» (Азадовский, 2011, с. 5) к настоящему моменту основательно разработана, в первую очередь в работах отечественного исследователя К.М. Азадовского (Азадовский, 2011; Райнер Мария Рильке, 1990; Рильке и Россия, 2003).

Отчет отношений поэта с Россией К.М. Азадовский начинает задолго до знакомства поэта с Лу Андреас-Саломе в 1897 г. – с чтения им русских писателей – в первую очередь, Л. Толстого и И. Тургенева, – в период обучения в реальном военном училище в австрийском Санкт-Пёльтене. Известно, что в начале 1894 г. в одном из писем начинающий поэт признался, что Толстой и Тургенев наряду с Золя были для него «пророками, провозгласившими, казалось, новый, блаженный век» (цит. по: Азадовский, 2011, с. 9). Однако главная роль на «русских путях» Рильке принадлежит все-таки «этой выдающейся женщине», оказавшей решающее воздействие на развитие его личности в целом.

Влияние Лу Андреас-Саломе, по К.М. Азадовскому, определило тот страстный интерес к России, который Рильке обнаруживает уже летом 1897 г. – за два года до их первого совместного «русского путешествия». Именно поиски «новой религиозности» побуждают ее, как и многих ее ровесников из среды западно-европейской интеллигенции, обратить взгляд в сторону России, с которой, вторя Ницше, связывают теперь свои духовные устремления представители нового «неоромантического» поколения, отвергающего традиционные христианские догматы и отдающего предпочтение «естественности» и «первозданности». Русский народ, «очень юный и очень наивный» (Э.М. де Вогиюэ), по их представлениям, полон не проявленных еще сил, и способен дать Западной Европе то, чего у нее нет – будущее, перспективу. Как раз тогда, когда произошла встреча с Рильке, Лу Андреас-Саломе была увлечена стремлением по-настоящему погрузиться в пространство русской культуры, философии и поэзии. Ее собственные сочинения – среди них статья о Лескове «Русская икона и ее поэт», которую Рильке позволено было переписать набело (Schmidt, 2017, S. 15), – вливались в традицию восхваления, воспевали набожность и смирение исконного русского народа, выражали надежды, связанные с непостижимой русской душой, исполненной терпения и братской любви.

Дальнейшая хронология основных «русских вех» в биографии Рильке вкратце такова: в мае 1897 г. – знакомство с Лу Андреас-Саломе; июнь-июль 1897 г. – совместное с ней и А. Вольтинским пребывание в Вольфратсхаузене у Ф. фон Бюлов, интенсивные занятия русской культурой; осень 1897 г. переезд вслед за Лу в Берлин: углубленные занятия «русской темой» продолжаются; принято решение к Пасхе ехать в Россию. Апрель-май 1899 г. – первое «русское путешествие» Рильке в обществе Лу Андреас-Саломе и ее мужа, Карла Андреаса. По возвращении в Германию пик творческой активности – написано значительное количество «русских стихов», прозаические «Истории о Господе Боге», в которых силен «русский мотив»; ведется активная переписка с русскими знакомыми, поэт погружен в изучение русского языка и культуры – идет подготовка к новому большому путешествию.

Первое стихотворение Р.М. Рильке о «русских вещах» – «Знаменская» – написано 8 августа 1899 г. в Мейнингене вскоре после возвращения из первого «русского путешествия» (Азадовский, 2011, с. 36). Оно посвящено чудотворной иконе Божией Матери – «Знамение», – которую Рильке видел в соборе Знаменского монастыря в Москве. В письме матери он называет ее наиболее значительной и «самой чудотворной из всех» русских икон (письмо С. Рильке, 1.7.1899: Schmidt, 2017, S. 10), а сам образ играет центральную роль в восприятии им России, особенно в период первого страстного увлечения.

Знаменская: иконописец

Как дитя бы трепетное вел,
линию свою веду я сердцем
золотую: лик Твой, словно дверцей
с сотнями лампад за ней, расцвел.

После нужно платье все пройти,
бережно его ровняя складки,
руки – две персоны, без оглядки
вверх по сторонам воздеты, гладки;
у Тебя нет легкого пути.

Умаясь, Тебе расти
в затемненности иконы,
молим: так пребудь же в оной,
и подводим неуклонно
кисть вокруг Твоей короны
к неизбывной робости.

Ты не думай, не желаю
робкой кистью скрыть Тебя –
дивно милость восплает,
всякий контур возлюбя.
Ты не думай, не пытаюсь
спутать синей бахромой,
чудом нежным Ты питаешь
всякий дом – не только мой.
Распростерлась беспристрастно
над мирами – Ты щедра.
День катится солнцем красным
от колен Твоих с утра.

Но, прости, мы верим все же:
меньше голубицы можешь
стать – мала, бела, нежна.
И такую сходишь к нам
в образ, как к себе на ложе,
в нем находим мы Тебя;
будто спишь, непостижима –
на коленях (накажи нас)
лоб целуем Твой – любя¹.

В письме к своей петербургской знакомой Елене Ворониной в конце июля 1899 г. поэт связывает «ощущение себя русским» с поклонением этой иконе: «Я все более отчуждаюсь от немецких вещей, а когда я выучу язык и смогу говорить на нем, я буду чувствовать себя до конца русским. Тогда трижды, как православный, я поклонюсь Знаменской, которую люблю больше всего. Не потому что я православной веры, а лишь из чувства, что стал исповедником этой гордости и этой покорности и потребности всякий раз проявлять это чувство – и почему бы не в церкви...» (Е.М. Ворониной, 27.7.1899; пер. К.М. Азадовского: Рильке и Россия, 2003, с. 155).

Тогда же, в Мейнингене, были написаны пять стихотворений цикла «Цари», впоследствии переработанного и включенного во второе издание «Книги образов» (1906). «Насыщенные яркими красочными деталями царского быта XVI в., которыми любовался Рильке в Московском Кремле или Доме бояр Романовых, эти стихи передают сложившееся к тому времени восприятие поэтом России

¹ Здесь и далее в обзоре стихи Р.М. Рильке приводятся в новых переводах, выполненных автором обзора для международного (германо-швейцарско-российского) выставочного проекта «Рильке и Россия» (Марбах-Цюрих-Москва, 2017–2018 гг.) по изд.: (Rilke, 2017, S. 142, 152, 138).

и русской истории» (Азадовский, 2011, с. 37). Былинные персонажи Илья Муромец и Соловей-разбойник соседствуют здесь с историческими – последним из Рюриковичей Федором Иоанновичем и его терзаемым страхами отцом Иваном Грозным, стихотворный образ которого у Рильке соотнесен с картиной В.М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» (1897):

Слуги его все больше пищи дают
стаям каких-то диких и темных слухов,
слухов, в которых он, как во всем он тут.

Фавориты сперва разнесут.
Женщины тоже вполголоса говорят,
строят союзы. Точно ему известно.
Или служанки, те не расскажут честно,
взгляды отводят, шепчут что-то про яд.

Стены сплошь в дуплах шкафов и полок,
душегуба взор из-под крыши колок
да монахи играют в лад.

А у него – только взгляд
там и тут; только шаг неслышный
по ступенькам до самой крыши;
у него – только посох-копье.

Только кающегося тряпье
(по которому холод лютый
вверх ползет, вцепляясь когтями)
у него – никого, кто друг,
только ужас каждой минуты,
страхом липким целыми днями
он гоним мимо всех без изъятия
лиц вокруг, через тьмы объятий,
вероятно, злодейских рук.

В узком месте кого-то вдруг
он за полу хватает, тащит,
в гневе к свету его волочет;
а в окне силуэт, но вот
кто схватил? И кто схвачен?
Кто тут я и кто тот?

Но и «Знаменская», и стихи о героях и царях, по К.М. Азадовскому, являют собой лишь подступы к книге стихов «Часослов», отличительным признаком которой стало «переплетение мистического и эстетического элементов на русской почве» (Азадовский, 2011, с. 38). Цикл стихотворений, впоследствии составивший пер-